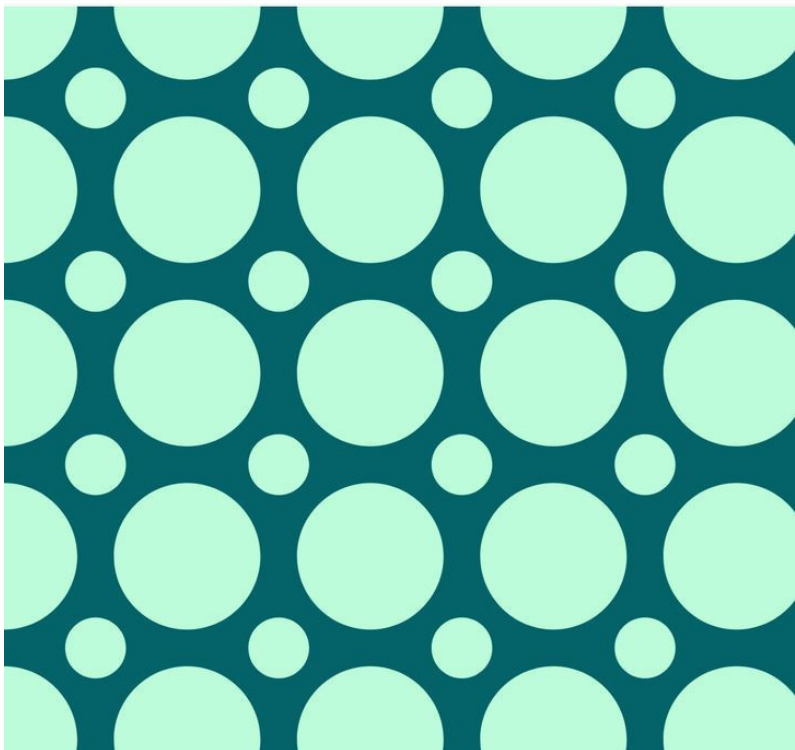

18+

ВЛАДИМИР НОЛЛЕТОВ

Княжна на лесоповале

Владимир Владимирович Ноллетов

Княжна на лесоповале

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68254732

ISBN 9785005901507

Аннотация

О трагической судьбе одной княжеской семьи после Октябрьской революции, в Гражданскую войну и во время репрессий тридцатых годов.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Княжна на лесоповале

Владимир

Владимирович Ноллетов

© Владимир Владимирович Ноллетов, 2022

ISBN 978-5-0059-0150-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

Князья Ясногорские давали званый ужин в своем двухэтажном особняке на берегу Невы.

Несмотря на военное время, стол был уставлен яствами. Гостей было немного.

– Солдаты государыню ненавидят, – говорил поручик Владимир Мирославлев, молодой человек с правильными, благородными чертами лица. Правая рука его висела на привязи. – Называют немецкой шпионкой.

– Эх! – вздохнул барон фон Ауэ. На нем был полковничий мундир. Барон командовал одной из частей петроградского гарнизона. – Не могут простить государыне ее немецкое происхождение. – Голос у него был скрипучий. – А она в это время ухаживает в госпитале за ранеными. Ассистирует при операциях. Все обязанности сестры милосердия выполняет, ничем не гнушается. Как и старшие дочери Татьяна и Ольга. А ее сестра великая княгиня Елизавета Федоровна о раненых в своей обители в Москве печется. Ночи у их коек сидит. Она всем старается делать добро. И раненым военнопленным помогает. За это ее обвиняют в пособничестве врагу! – Он желчно рассмеялся.

– Елизавета Федоровна – святая женщина! – вступил

в разговор князь Ясногорский, величественный старик. – Когда ее супруга, великого князя Сергея Александровича, убил революционер, она посетила убийцу в тюрьме. И просила государя его помиловать!

– В нашем полку есть сестры милосердия знатного происхождения, – сказал Мирославлев.

Анастасия Ясногорская, красивая девушка с большими темными глазами и густыми темными волосами, бросила выразительный взгляд на свою мать, как бы предлагая прислушаться к этим словам.

– Слышал я, на фронте от них скорее вред, чем польза, – заговорил профессор Вязмитинов. Глаза его за стеклами пенсне смотрели умно и проницательно. – Они там больше думают о светских развлечениях, чем о больных.

– Да, есть и такие. А есть настоящие героини! – Мирославлев заговорил с вдохновением, глаза его засверкали. Он был очень красив в эту минуту. – Татьяна Щелкалова, например. Юная, красивая. Кажется хрупкой, изнеженной. А вытащила с поля боя штабс-капитана и двух рядовых! Хотя сестры милосердия не обязаны это делать. Даже не должны. А как она за ранеными ухаживает, с какой заботой! Все ее обожают, и офицеры, и солдаты. Считают ангелом-хранителем.

– Вот видишь, мама! – воскликнула Настя.

– Нет, моя милая, нет! – ответила та.

Княгиня Мария Ясногорская была такой же величествен-

ной, как и свекор. Говорила и глядела властно.

И муж ее князь Кирилл Аркадьевич, полковник, и сын Олег воевали с самого начала войны. Мирославлев был фронтовым другом Олега. После ранения он получил отпуск, и Олег попросил его заехать в Петроград к родным.

– И, наверное, все в вашем полку в нее влюбились! – сказала восьмилетняя княжна Полина, весело глядя на Мирославлева. Она поразительно походила на Анастасию. – А она неприступна!

Кого-то рассмешили рассуждения маленькой девочки. Княгиня строго на нее посмотрела.

– Именно так, – ответил поручик.

Настя с укором взглянула на Марию Евгеньевну, с укором сказала:

– Но почему нет, мама? Чем же я хуже?

– Ты лучше, внучка! – вмешался старый князь. – Душа у тебя возвышенная, поэтическая. Не место тебе на фронте! Я на трех войнах воевал. Знаю.

– И убить тебя там могут! Ни за что я тебе не отпущу! – добавила княгиня.

За столом прислуживала Марфа, девушка с длинной русой косой и милым, простодушным лицом. Поставив с подноса на стол очередные блюда, она наклонилась к княжне Марине и что-то прошептала. Та на миг застыла. Потом встала.

– Я на минуту вас оставляю. – И вышла.

Она была старшей из трех сестер. Ей уже исполнилось девятнадцать, на год больше, чем Насте. В красоте они друг другу не уступали. В семье Ясногорских принято было считать, что Марина более умная, а Анастасия более пылкая.

Когда Марфа ушла на кухню за новыми блюдами, Полина с улыбкой сказала Мирославлеву:

– Марфуша с вас глаз не сводит.

Опять раздался смех. Девочка пытливо глядела на поручика, ожидая ответа. Но он молчал.

Вскоре вернулась Марина.

Она выглядела встревоженной. Даже лицо как будто побледнело.

– Что такое, Марина? – спросила княгиня.

– Все хорошо, мама.

Княжна села на свое место.

Теперь Полина с жадным любопытством глядела на старшую сестру. Но вопросов не задавала.

– Что еще можете рассказать о настроениях в армии, молодой человек? – обратился к Мирославлеву профессор.

– Солдаты ропщут. Воевать не хотят. К офицерам относятся враждебно. Иногда ловлю на себе взгляд, полный ненависти. Революционеры ведут скрытую агитацию среди солдат, разлагают их.

– Я в своей части эту заразу искореняю самым решительным образом, – сказал фон Ауэ. – Революционеры – это враги поопаснее немцев. Судя по их действиям, они желают од-

ного: погубить Россию.

– А вы разве не немец? – спросила девочка.

Барон перевел на нее свои выпуклые серые холодные глаза.

– Я русский, княжна. Дед был немцем. Из остзейских баронов. Однако и он, и отец взяли в жены русских. И я не нарушил семейную традицию: женился на твоей тете.

Он с улыбкой взглянул на жену. Баронесса была очень похожа на свою сестру княгиню, только вид у нее был не столько величественным, сколько надменным.

– Революционеры хотят сделать народ свободным и счастливым! – вдруг горячо и убежденно произнесла Марина. – Вот высокая, благородная цель!

Наступило молчание. Его прервал старый князь:

– Это наша идеалистка. Прочитала гору книг и имеет теперь обо всем независимое суждение.

– Если Россия проиграет войну, разве народ станет от этого счастливее? – возразил княжне барон особенно скрипучим голосом.

Марина не ответила. Казалось, она погрузилась в свои мысли.

– Полина, тебе спать пора, – сказала княгиня. – Иди к себе.

– Еще немного, мама!

– Иди к себе!

Полина вежливо попрощалась и вышла.

Весело напевая, она запрыгала по ступенькам на второй этаж. Сделала два шага по коридору и резко остановилась. Даже качнулась назад, словно ее толкнули. У стены стоял Степка, сын поварихи, некрасивый мальчик лет десяти. Он исподлобья смотрел на нее. Смотрел с ненавистью и презрением.

Девочка вспыхнула. Гордо вскинула голову.

– Не смей так глядеть на меня! И не смей сюда подниматься! – Она повелительным жестом указала на лестницу. – Вниз ступай!

Мальчик помедлил, фыркнул и пошел к лестнице.

Ее прекрасное настроение исчезло. Полина едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

Она вошла в свою комнату. Упала в кресло. Задумалась.

Ей вспомнились слова поручика о ненавидящих взглядах солдат. Девочка не сомневалась, что подобные взгляды ранят его так же сильно, как и ее. А он натывается на них, наверное, каждый день. И как кто-то может смотреть на него с ненавистью! На него, бесстрашного героя!

– Революционеры есть разные, – говорил тем временем профессор Вязмитинов. – Есть такие, кто действительно желает нашей стране поражения. Это предатели. Их надо судить. А есть революционеры-патриоты. И к ним стоит прислушаться. У них много здравых идей. Они хотят сделать Россию демократичной страной, хотят, как справедливо заметила княжна Марина, дать простому народу свободу.

– Не созрел еще наш народ для свободы, – проскрипел фон Ауэ. – Он необразован, груб, завистлив. Обуздывать свои дикие инстинкты не умеет и не хочет...

– Как вы можете так говорить, дядя! – воскликнула Марина. – Вспомните речь Достоевского на открытии памятника Пушкину. Достоевский считал, что у русского народа, с его добротой, совестью, жаждой правды, есть великое предназначение – указать истинный путь человечеству.

– Идеализируете вы с Достоевским простолюдинов, княжна, – со вздохом произнес барон. – Вот оно, прекраснотушие русской интеллигенции. Прекраснотушие и незнание настоящей жизни. Это кака-то любовь без взаимности. Интеллигенты превозносят простонародье, в любви к нему объясняются, а оно в ответ их ненавидит. Оно ведь ненавидит не только богатых и дворян, но и просто образованных людей.

– Вот как раз Достоевский идеализировать не мог, – сказал профессор, поправляя пенсне. – За четыре года каторги он узнал народ более чем достаточно.

– Именно на каторге поверил Достоевский в человеколюбие русского народа, – добавила Марина. – Этой верой проникнуты «Записки из Мертвого дома». Не зря Лев Толстой восхищался этим романом.

– И именно после каторги он первым предупредил о лютой ненависти простонародья к дворянам, – подхватил Ауэ, – Однако наше образованное общество, воспитанное на люб-

ви к народу, ему не поверило.

Марина больше в разговор не вступала. Было заметно, что она нервничает, что тягостно ей сидеть за столом. Несколько раз она останавливала долгий и внимательный взгляд на поручике. Марина едва скрыла свою радость, когда ужин закончился.

Мирославлев остался ночевать у Ясногорских. Рано утром он уезжал на фронт.

Княгиня долго не могла уснуть. Думала о Марине. После ужина она попыталась ее расспросить, но дочь уклонилась от разговора. Лишь снова заверила, что все хорошо. По словам Марфуши, в кухню зашел швейцар и велел ей сказать княжне, что пришла какая-то старуха, говорит, что должна передать письмо княжне Марине, лично в руки, срочно. Спросить прямо, от кого письмо, княгиня не решилась. Что было в том письме? Почему оно так встревожило дочь? Швейцар подтвердил слова Марфы. И еще сказал, что было и другое письмо княжне. Та самая старуха приносила его днем. Княгиня думала и время от времени вздыхала.

Ее муж был человеком горячим, страстным, увлекающимся. За это, вероятно, она его и полюбила. Дочери характером были полностью в отца. Это и радовало княгиню, и пугало. Она считала, что страстность дочек и их витание в облаках — сочетание опасное. Они могли натворить ошибок.

– Что я тебе расскажу! – с заговорщическим видом проговорила повариха Матрена. – Ни за что не поверишь!

Она раскатывала на кухне тесто. Это была грузная мужеподобная женщина с крупной головой на короткой шее. Она обращалась к Фекле Доброхоткиной, матери Марфуши. Та чистила картошку.

– Я вечером на кухне допоздна была: после гостей работы много. Прихожу к себе. Вино, которое не допили, с собой прихватила. Сижу, попиваю. В доме тишина. Видать, все уже спят. Вдруг слышу: вроде кто-то по коридору идет. Крадучись. И к офицеру к этому, высокому, с раненой рукой, стучит. А его в комнате как раз напротив моей поселили. – На первом этаже, в левом крыле, по одну сторону коридора располагались комнаты для гостей, с видом на Неву, по другую – для слуг. Сами Ясногорские занимали второй этаж. – Тихо так стучит. Я грешным делом на Варьку свою подумала. Смотрю в замочную скважину: нет, не она. А кто бы ты думала?

В добрых голубых глазах Феклы промелькнул испуг.

– Неужто Марфуша?

– И не она.

Фекла облегченно вздохнула.

– Марфуша моя приличная.

– Ничего плохого про нее не скажу. Так кто?

Дряблое доброе лицо Феклы выглядело растерянным.

– Уж не знаю, что и сказать...

– Средняя барышня!

– О господи!

– Стучит, а сама оглядывается. Офицер ее впустил. Этак через четверть часа выпустил.

Фекла покачала головой.

– Никогда бы не подумала.

– Так это еще не все! Ровно в двенадцать... Ах ты паршивец! – Появился Степка. Матрена напустилась на него. – Барыня на тебя жалуется. Говорит, горничной нагрубил. На всех, говорит, волчонком смотришь. – Степка взял со столика один из оставшихся от ужина пирожков. Жевал его, угрюмо и дерзко глядел на мать и молчал. – Хочешь, чтобы я места лишилась? На что мы тогда жить будем? Смотри у меня! Будешь себя так вести – выпорю!.. Мусор вынеси! – Степка ушел с мусорным ведром. – Так вот, ровно в двенадцать – я на часы посмотрела – опять шаги. Опять тихий стук. Опять к офицеру. А я еще не ложилась. У меня, когда пью, сна нет. Смотрю: теперь старшая барышня стучит! – Фекла всплеснула руками. – Тоже оглядывается. Но она у офицера недолго совсем пробыла. Выходит – а на ней лица нет! Чуть не плачет. Видать, получила от ворот поворот...

На кухню зашла дочь Матрены Варька, невзрачная приземистая девушка лет восемнадцати. И у нее, и у Степки было в лице что-то упрямое и недоброе. Одета она была в новое

красивое платье. Варвара выполняла у Ясногорских работу прачки. У нее, как и у поварихи, Феклы и Марфуши, была своя комната. Она была ленивой и неисполнительной. Иногда ее видели пьяной. Княгиня терпела Варьку, потому что ценила кулинарные способности матери.

– Ну и очереди за хлебом! – сказала она, помотав головой. – В жизни таких не видала.

Фекла вздохнула.

– Что уж тут: третий год война.

– Людям хлеба не хватает, а барыня мне кулебяку и торт заказала, – заметила Матрена с коротким злым смешком. Она пригляделась к дочери. Подняла густые брови. – Это еще откуда?

– Подарок.

– Подарок? От кого? От офицера? Так и ты, бесстыжая, к нему ходила?

– Еще чего! От... От старшей барышни подарок... Пирожок возьму.

Варька схватила пирожок и вышла из кухни.

– Темнит что-то Варька, – задумчиво произнесла повариха. – Платье-то, видать, дорогое.

– Княжна Марина могла подарить, – сказала Фекла. – Она добрая. Намедни мне платок подарила.

– Такое платье и она не подарит. И за что Варьке-то дарить, лентяйке такой? Нет, темнит дочка... – Повариха вздохнула. – Непутевая она у меня.

Заговорили о войне. У обоих мужья погибли на фронте. Воевал и сын Феклы Матвей. Он был дважды ранен. Дослужился до унтер-офицера.

3

Мирославлев смотрел на заснеженные поля за вагонным окном.

Смятение было в его душе. Все произошедшее напоминало прочитанный в детстве бульварный роман с нагромождением неправдоподобных событий.

Когда он после ужина вошел в предназначенную ему комнату, Варька меняла постельное белье. Это тоже входило в ее обязанности. Владимиру показалось, что она не совсем трезвая. Закончив работу, девушка пожелала доброй ночи, неуверенной походкой прошла к двери, обернулась, многозначительно взглянула на него и сказала:

– Если что-то еще понадобится – зовите, господин офицер. Третья дверь от входа, на той стороне.

– Хорошо, хорошо, – нетерпеливо проговорил он.

Она ушла.

Заложив левую руку за спину, смотря в пол, Мирославлев заходил по комнате. Он думал о княжне Анастасии. Ее нежное, одухотворенное лицо, загадочные темные глаза стояли перед ним. Было что-то неотразимое в ее облике.

Вдруг в дверь постучали. Владимир нахмурился. «Опять

эта служанка?» Он открыл дверь. Перед ним стояла княжна Марина. Видно было, что она очень волнуется. Волнение делало ее еще краше. Стараясь скрыть изумление, он впустил ее, предложил сесть. Княжна осталась стоять.

– Я зашла на несколько секунд, – торопливо заговорила она. – Я прошу вас об одном одолжении. Мне не к кому больше обратиться. Это очень важно, поверьте.

– Я к вашим услугам, княжна.

Она сняла с запястья золотой браслет и отдала ему.

– Отвезите это ювелиру. Адрес: Николаевская, 11. Скажите, что я вас послала. Он купит браслет. Деньги отвезете по адресу: улица Румянцева, дом 15, квартира 4. Запомнили? Постучите так: два стука, пауза, один стук, пауза, снова два стука. Деньги отдадите высокому худому человеку с белокурыми волосами. Скажите, что от меня. Постарайтесь сделать все как можно быстрее.

– Хорошо.

– Я вам очень признательна! – воскликнула она и бросила на него теплый благодарный взгляд. – В двенадцать я к вам приду узнать. – Немного поколебалась и добавила: – Мы с ним друзья. Он в беде. Я должна ему помочь.

И вышла.

Владимир тут же поехал к ювелиру. Им оказался подвижный старик с курчавой бородой и длинным крючковатым носом. Он купил браслет без лишних вопросов. Держать столько денег в руках Мирославлеву еще не приходилось.

Пятнадцатый дом на улице Румянцева оказался старым ветхим трехэтажным зданием. На условленный стук открыл описанный княжной человек. Он смотрел на Мирославлева цепким, недоверчивым взглядом. Тонкие губы были плотно сомкнуты. Казалось, он неприятно изумлен.

– Я по поручению княжны Марины, – тихо сказал Владимир.

Худой человек впустил его. В комнате была еще старуха с угрюмым лицом. Она тоже глядела на Мирославлева с подозрением.

Он передал деньги.

– Почему княжна сама не привезла? – быстро спросил худой. Он явно спешил.

Владимир удивился такому вопросу.

– Полагаю, ей неудобно покидать дом в такой поздний час.

– Неудобно? Хорошо, передайте ей мою благодарность. И вас я благодарю.

Мирославлев спускался по лестнице и вспоминал цепкий взгляд, сжатый рот. Этот человек ему не понравился.

Он вышел на улицу. В поисках извозчика свернул за угол. Вернулся назад. И увидел, что дом, из которого он только что вышел, окружают жандармы. Четверо вошли в подъезд. Стараясь не привлекать внимания, он издали наблюдал за происходящим. Минут через десять жандармы вывели худого человека. Он был в наручниках. Его увели.

Вернувшись, Владимир заходил по своей комнате из угла

в угол. Думал о поручении княжны Марины, о жандармах. Ему не в чем было себя упрекнуть. Затем его мысли вернулись к Насте. И чем больше он о ней думал, тем яснее сознавал, что влюбился в нее. Неожиданно в дверь негромко постучали. Он посмотрел на настенные часы. До двенадцати было еще далеко. «Все-таки та служанка пришла?» – подумал он с неудовольствием. И снова ошибся. Это была княжна Анастасия. Она взволновано глядела на него.

У Мирославлева заколотилось сердце. Он впустил ее, предложил сесть.

Княжна села и тут же спросила:

– Вы утром уезжаете на фронт?

– Да.

– Возьмите меня с собой! Я хочу работать сестрой милосердия.

Ничего он не желал так на свете, как обладать этой девушкой. И вот сейчас интуиции и жизненный опыт подсказывали, что если Настя поедет с ним, она рано или поздно будет ему принадлежать. Ликование охватило Мирославлева. Но затем заговорила совесть. Как он будет выглядеть в глазах княгини и старого князя? И что он скажет Олегу – ее брату и своему другу? И не хотел Владимир, чтобы княжна Анастасия стала фронтовой сестрой милосердия. Не хотел, потому что полюбил ее.

– Но ведь ваши родные против, – сказал он.

– Они не узнают. Я тайком из дома выйду... Сколько сей-

час бедствий от этой войны! Люди страдают. А я ничего не делаю, ничем не помогаю!

– Но ваш дедушка прав: фронт – совсем неподходящее для вас место.

– Почему? Именно там я больше всего принесу пользы.

– И в Петрограде есть госпитали. Туда можете устроиться.

– Я хочу работать на фронте! Раненых с поля боя выносить! На фронте сестры милосердия особенно нужны.

Мирославлев любовался ее сверкающими глазами, вдохновенным лицом. Ему казалось, что не может быть на земле девушки более красивой.

– Княжна, вы не знаете, что вас ждет. Увидите страшные ранения, ампутации, кровь, грязь, услышите площадную брань.

– Я все выдержу.

– Вы можете попасть в плен, получить тяжелое увечье, погибнуть, – взволнованно убеждал Анастасию Владимир. Он едва сдерживал себя, чтобы не заходить перед ней назад и вперед.

– И этого я не боюсь.

– Я восхищаюсь вашей решимостью, княжна, однако исполнить вашу просьбу не могу.

Видимо, отказа девушка не ожидала. Лицо ее выразило растерянность.

– Я вас прошу, – сказала она тихо. И почему-то покраснела.

– Нет, княжна! – воскликнул он чуть ли не в отчаянии.

Она встала, бросила на него надменный взгляд и, не сказав больше ни слова, вышла.

Он упал в кресло, в котором сидела княжна. Разве не упустил он только что свое счастье?

Конечно, он может после войны посвататься. Но ее родные, несомненно, будут против. Мирославлев был из дворянской семьи, но неродовитой и бедной. В их глазах он неподходящий жених. Да и в ее глазах, вероятно, тоже.

В двенадцать часов ночи раздался тихий стук. Владимир выпустил княжну Марину. Он все рассказал. Она сильно побледнела. Даже покачнулась. Он шагнул к княжне, готовясь поддержать ее, если случится обморок. Но она овладела собой. Внимательно глядела на него и молчала. Он похолодел от этого взгляда. Переменился в лице. «Подозревает, что это я сказал жандармам? Или думает, что я подошел к дому, увидел жандармов и ушел, а деньги присвоил?»

Видимо, княжна угадала его состояние. Она встрепенулась, быстро проговорила:

– Ради бога, не подумайте, что я способна вас в чем-то подозревать. Ни на миг не сомневалась и не сомневаюсь в вашей порядочности и благородстве.

Мирославлев почувствовал огромное облегчение. Он был бесконечно благодарен ей за то, что она развеяла эти его страшные мысли. Как бы он жил с ними?

Марина вдруг произнесла почти торжественно:

– Нет человека... – голос ее дрогнул, – достойнее его!
И ушла.

4

Княжна Марина читала книгу. Лицо ее было печальным. Время от времени она книгу захлопывала – это была «Исповедь» Льва Толстого – и погружалась в размышления.

Пришла Варька со стопкой чистого выглаженного постельного белья. Стала заправлять постель.

– Красивое платье, – рассеяно сказала княжна. – Оно тебе, Варя, идет.

– Мне тоже хочется красиво одеваться, – бойко ответила Варька.

К прислуге Марина обращалась всегда вежливо, часто говорила что-нибудь приятное, дарила подарки. Так она смягчала свое чувство вины перед простым народом.

Это чувство привил ей Михаил Зубов. Вчера Мирославлев передал деньги ему. Раньше Зубов был домашним учителем у Ясногорских. Марина, тогда еще пятнадцатилетний подросток, со всем жаром юной мечтательной души воспринимала его слова о служении народу, установлении справедливости на земле, свободе для всех. Она попала под его влияние. Его ум, целеустремленность, преданность идее восхищали Марину. С ее родными Зубов держался подчеркнуто независимо, и это ей тоже нравилось. Она считала его

человеком выдающимся. В конце концов, как и следовало ожидать, Марина в него влюбилась. Но она не признавалась в этом не только ему, но даже себе.

Зубов проработал у них учителем два года. Потом вдруг исчез. Приходили следователи, расспрашивали про него. Он оказался причастным к двум терактам, совершенным эсерами. Через полгода Зубов неожиданно подошел к Марине на улице. Сказал, что нужны деньги для дела освобождения народа. Она продала некоторые из своих драгоценностей. Их у нее было много. С детских лет все дарили ей драгоценности. Отдала ему деньги. Еще через полгода это повторилось. Друг к другу они относились по-прежнему только как учитель и прилежная ученица. Этой осенью она узнала, что его арестовали и осудили.

И вот вчера днем старуха, родственница Зубова, принесла ей от него письмо. Он сбежал из тюрьмы. И ему нужны были деньги. Их Марина должна была принести сегодня в обед в указанную квартиру. А вечером, во время ужина, старуха принесла новое письмо. Он писал, что все меняется. На его след напали. Он должен срочно бежать из города. Ей надо принести деньги в другую квартиру. И как можно скорее.

Сейчас Марина себя обвиняла в том, что Зубова схватили. Если бы получил он деньги немного раньше, то успел бы скрыться. Надо было не ждать окончания ужина, не терять время, а сразу позвать Мирославлева в коридор и поручить отвезти деньги. Однако для присутствовавших это выгля-

дело бы странно. Не решилась она тогда нарушить приличия. Впрочем, за столом она к Владимиру еще присматривалась. Непросто было доверить такое дело незнакомому человеку. Только после ужина она отбросила сомнения и пошла к нему. Был и другой вариант. Она могла сама поехать к ювелиру, а затем к Зубову, как только прочла записку. Можно было уйти со званого ужина под предлогом, что у нее заболела голова. Ко всякой лжи Марина испытывала чувство гадливости, но ради Зубова готова была и солгать. Но вряд ли бы ей удалось уехать незаметно. Она уезжает куда-то поздно вечером, одна! Это было бы нарушением всех правил. На это Марина тоже не решилась. Теперь себя корила.

Ее страшила мысль, что за побег Зубова могут казнить. Только сейчас она поняла, что любит его.

И еще Марина спрашивала себя: кто мог донести? Кроме Мирославлева, она никому ничего не говорила. В его честность она верила. Хотя, надо признать, тогда, в комнате Владимира, мысль о его предательстве все же промелькнула. Но она тут же устыдилась этой мысли. Кто же тогда?

Выйдя из комнаты княжны, Варька усмехнулась. «Платье ей, значит, понравилось? Знала бы она, как я его получила!»

Вчера вечером Варька от Мирославлева пошла к себе. Скоро ей стало скучно. Она зашла к матери. Поболтать и, может, выпить. В комнате был лишь Степка, и он уже спал. Мать, очевидно, работала еще на кухне. Варька стала искать выпивку. Ничего не нашла. Вдруг услышала, что в дверь на-

против – дверь офицера – кто-то тихо стучит. Она прильнула к замочной скважине. Они с матерью любили подглядывать. И увидала княжну Марину. Когда та вошла, Варька, сгорая от любопытства, бесшумно отворила дверь, подошла на цыпочках к двери напротив, снова поглядела в замочную скважину. Обзор закрывала спина княжны. Зато она слышала каждое слово. Когда стало ясно, что разговор вот-вот закончится, она попятилась назад и проскользнула в комнату матери. Княжна вышла в коридор на несколько секунд позже.

Несколько часов ранее Варька обратила внимание на одно объявление, наклеенное на афишную тумбу. Оно гласило, что из тюрьмы сбежал опасный преступник Михаил Зубов, 29 лет. Была и его фотография. За помощь в его поимке было обещано вознаграждение. У Варьки было правило: без необходимости никакими сведениями ни с кем не делиться. Она никому не сказала об этом объявлении.

Она догадывалась, что Марина влюбилась в Зубова, когда тот здесь учительствовал. Трудно было это не заметить. Варька была девушкой смышленной, и она сразу связала этот разговор с объявлением.

Они с Мирославлевым вышли из дома почти одновременно. Он поехал к ювелиру, Варька пошла в полицейский участок. Там ее выслушали не сразу, заставили долго ждать. За наградой велели прийти на следующий день. Награду она получила. Купила на нее нарядное платье.

Угрызения совести Варьку не мучили. Наоборот, она предвкушала, что арестуют и княжну. Может, еще и наручники на нее наденут. Очень ей хотелось увидеть княжну Марину в наручниках. Но никто за княжной не приходил.

Всю сознательную жизнь не давал ей покоя один вопрос: почему одни трудятся, и у них нет ничего, а другие бездельничают, и у них есть все? Ответа она не знала.

И всю жизнь Варька мечтала о том, чтобы исчезли господа. Ни одного чтобы на земле не осталось. Тогда исчез бы и вопрос.

5

Когда в полку Владимир встретился с Олегом Ясногорским, стройным молодцеватым черноусым поручиком, тот первым делом рассказал о делах на фронте, в полку, во взводе. Князь замещал командира взвода Мирославлева в его отсутствие. Полк их сражался на Юго-Западном фронте, против австро-венгерских войск. Серьезных боев не было. Позиции сторон оставались прежними. После «Великого отступления» 1915 года линия фронта на их участке почти не менялась. Затем он стал расспрашивать о родных. Владимир подробно отвечал. Однако о поручении Марины и просьбе Насти умолчал. Вернулись к полковым новостям.

– Сдается мне, что наш непорочный ангел все-таки влюбился. Таня сюда приходила, о тебе спрашивала, – сказал

с улыбкой Олег. Неприступность сестры милосердия Щелкаловой, любимицы полка, была одна из главных тем офицерских разговоров. Все гадали, кому же первому посчастливится завоевать ее сердце. – Наказала передать, чтобы ты, как приедешь, сразу шел к ней на перевязку.

Владимир был в нее влюблен. Пока не повстречал Настю. Сейчас слова Олега мало его тронули.

– Просто беспокоится о моей руке, только и всего.

Он пошел на перевязку лишь через два дня. Щелкалова старалась держаться официально, но было видно, что она обрадовалась. Даже щеки зарумянились.

– Почему же вы только сейчас пришли? То, что вы из госпиталя выписаны, не означает полного выздоровления. – Татьяна говорила строгим тоном, но глаза смотрели нежно. – Еще возможны осложнения.

Она стала перебинтовывать ему руку.

Он прислушивался к раскатам далекой канонады и безотчетно сравнивал Татьяну с Настей. И лицо ее было не таким красивым, как у княжны, и глаза не такие выразительные. И, главное, не было в ней того внутреннего горения, которое чувствовалось в Ясногорской. В Мирославлеве самом всегда горел этот огонь. Он знал, что мужчину и женщину сильнее всего влечет друг к другу не родство умов и даже не родство душ, а родство натур.

Его влюбленность в Щелкалову исчезла бесследно. Но восхищение ее самоотверженностью и храбростью оста-

лось.

Прошла неделя.

В их офицерский блиндаж принесли почту. Олег стал ее разбирать.

– Тебе письмо. – Он протянул конверт Владимиру. Это было письмо от матери. Она жила одна в их небольшом доме в Рязани. Отец Мирославлева, капитан 2-го ранга, погиб в Цусимском сражении. – Это – Августу. Это все мне. От сестер и тата. Опять тебе. Без... – Ясногорский осекся. Бросил взгляд на одно из своих писем. словно сравнивал почерки. – Без обратного адреса.

Владимир положил письмо матери на подушку, вышел, с другим конвертом в руке, из блиндажа, посмотрел на голубое – уже весеннее – небо. Медлил. Наконец, распечатал конверт. Письмо было от Насти. Она объяснялась в любви.

В первое мгновение он словно не мог поверить. Проносились какие-то побочные мысли. Например: «Возможно, она хотела поехать на фронт не только из-за желания быть полезной, но и из-за любви ко мне? В таком случае мой отказ был для нее вдвойне обидным». И лишь затем дошла до него в полной мере суть письма.

Такую бурную радость он никогда еще не испытывал, таким счастливым никогда себя не чувствовал.

Мирославлев вернулся в блиндаж. Олег посмотрел на друга, на его ликующее лицо пытливым взглядом. Но ни о чем не спросил. Сказал лишь:

– Марина пишет, что рабочие волнуются, бастуют, демонстрации проводят. А солдаты петроградского гарнизона им симпатизируют.

– Вот как, – рассеянно ответил Владимир и сел писать Насте ответное письмо.

Оно получилось длинным и пылким. Начиналось письмо признанием, что он полюбил ее, как только увидел.

Только Мирославлев заклеил конверт, как в блиндаже появился Август Гриммельсхаузен, светловолосый и светлоглазый долговязый подпоручик. Он тоже здесь жил. Гриммельсхаузен воскликнул взволнованно:

– Ура! В Петрограде произошла революция!

Наступило минутное молчание.

– Я рад. Рад, что наконец-то Россия будет цивилизованной страной, – сказал Ясногорский. – И еще я рад тому, что теперь в солдатах возродится патриотизм и боевой дух. Я в этом не сомневаюсь.

– И я очень рад, – произнес Владимир.

Глава 2

1

Февральскую революцию Марина встретила с восторгом. И первым делом подумала, что теперь Зубов будет освобожден. Если он еще живой. Действительно, вскоре было объявлено об амнистии политических заключенных. Затем ее энтузиазм стал ослабевать. Ни баронессе, ни Ясногорским ничего не удавалось узнать о судьбе фон Ауэ. Во время революции он до последнего призывал своих подчиненных сохранять верность императору. Солдаты его арестовали. Подверглось погрому их имение в Новгородской губернии. Брат писал о начавшемся развале армии после выхода приказа №1. Этот приказ, изданный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, произвел ошеломляющее впечатление. Военнослужащие теперь должны были подчиняться не офицерам, а солдатским комитетам. В распоряжение этих комитетов переходило и все оружие.

Однако повседневная жизнь Ясногорских не изменилась. Разве что Варвара стала дерзить.

Марина жадно следила за политическими новостями, читала разные газеты. И однажды узнала, что Зубов жив, что он избран в Петроградский совет от партии эсеров. Княжна не сомневалась, что он не рядовой депутат, а влиятель-

ное лицо в совете. Она решила встретиться с ним. Ее гордой натуре претило обращаться к кому-то с просьбой, но она должна была помочь барону, «их немецкому дяде», как они с Настей называли между собой фон Ауэ. И еще одно чувство двигало ею. Ей непреодолимо хотелось просто увидеть Зубова, поговорить с ним. Она отправилась в Таврический дворец. Его делили между собой, как и власть в стране, Временное правительство и Петроградский совет.

Марина никому не сказала о своем решении. Ехала она не в карете Ясногорских, а в извозчиьем экипаже. Из одного переулка донесся громкий смех. Она обернулась. Три здоровых солдата крепко держали за руки молодого офицера, почти юношу. Его фуражка валялась в стороне. Четвертый солдат подбирал на мостовой свежий лошадиный помет, прицеливался и кидал офицеру в лицо. Солдаты хохотали. Первым ее движением было броситься выручать офицера. Она уже повернулась к извозчику, уже хотела попросить остановить экипаж. Но ничего не сказала. Не решилась. Переулок остался позади. Долго еще стояло перед ее глазами пунцовое, заляпанное пометом юношеское лицо, растерянный, смятенный взгляд.

Когда Марина рассчиталась с извозчиком и направилась к дворцовым воротам, она увидела Зубова. Он подходил к воротам с другой стороны. Его сопровождал пожилой унтер-офицер с красным бантом на груди. Вид у Зубова был решительный, энергичный, оживленный. Но когда он увидел

княжну, по лицу его промелькнула тень.

У нее сжалось сердце. «Сердится, что я в тот вечер промедлила, и поэтому он не успел скрыться», – подумала она.

Зубов остановился, сдержанно поздоровался.

– Я хотела бы попросить вас об одном одолжении, – сказала, волнуясь, Марина.

– Я сейчас занят, – деловым тоном произнес он. – Приходите в пять часов по этому адресу. – Он достал из кармана записную книжку, вырвал листок, написан адрес, протянул ей. И продолжил путь.

Не так представляла Марина их встречу.

В пять часов с замирающим сердцем она постучала в обшарпанную дверь. Зубов жил в неказистом доме на окраине города, на втором этаже.

Открыл Зубов. Пригласил войти. Помог снять пальто. Больше в квартире, кажется, никого не было.

Обстановка была очень скромной. Марина не удивилась. Она знала, что Зубов к материальному благополучию равнодушен. И высоко это ценила.

Он пододвинул ей простой стул. Сам остался стоять посередине комнаты. Словно давал понять, что времени у него мало.

– Прежде всего, благодарю за помощь, – сказал Зубов. И усмехнулся. – Впрочем, те деньги жандармы у меня сразу же отобрали... Чем могу служить?

Ясногорская рассказала о бароне.

Зубов нахмурился. Наступило молчание.

Марине стало стыдно. Этот человек занят важными государственными делами, а она досаждаёт ему своими личными неурядицами. О том, что она, жертвовавшая свои драгоценности на дело революции, имеет полное право просить новую власть о помощи, Марина почему-то не подумала.

– Я слышал только, что он хотел направить свой полк против восставших, однако солдаты не подчинились. Больше ничего не могу сказать. Хорошо, я узнаю о нём, – сухо проговорил Зубов.

– Спасибо! – Княжна бросила на него признательный взгляд. Они снова замолчали. Это молчание тяготило её. Она спросила: – Вы, наверное, теперь счастливы? Ведь ваша мечта сбылась: революция произошла.

– Рано ещё торжествовать. Угрозы остаются. Есть угроза справа. Это монархисты. Они мечтают империю восстановить. Ждут лишь подходящего момента. Среди генералов немало монархистов. Ещё опаснее угроза слева. Это большевики. Они авантюристы, а не революционеры. Революция даёт свободу, а если они власть захватят, свободы не будет.

– Зубов заходил перед ней взад и вперед. Он заговорил увлеченно и горячо. Глаза его загорелись. Очевидно, эта тема очень волновала его. С такими вот горящими глазами, с вдохновенным лицом объяснял он ей когда-то цели революционеров. И завоевал этим её сердце. – Договариваться с ними невозможно. Им нужна только безграничная власть.

Ради нее большевики на все пойдут. — Марина не отводила от него восхищенного и влюбленного взгляда. — Они даже хотят поражения России в войне. Видимо, за это немцы дают большевикам деньги.

Внезапно Zubov остановился перед Мариной: он заметил ее взгляд. Что-то новое промелькнуло в его лице. Он испытующе глядел на нее и молчал. Девушка невольно опустила глаза. Ей было неловко.

— Но в Петроградском совете большевиков мало, — заговорила Марина, чтобы прервать молчание. Она смотрела на трещину между досками в полу. — Почему же совет издал приказ номер один? Папа и брат пишут, что после этого приказа армия разрушается.

Zubov снова заходил по комнате.

— Во-первых, это произошло стихийно. Когда проходило совещание исполкома Петросовета, в соседнем помещении заседала солдатская секция. Там этот приказ и родился. Исполком был поставлен перед свершившимся фактом. Во-вторых, это недоразумение, что приказ распространился в действующей армии. Он предназначался исключительно для петроградского гарнизона. Потом исполком издал разъяснительные приказы.

— Сегодня видела, — вспомнила Марина, — как солдаты на улице безнаказанно глумились над офицером. Почему это происходит?

— Издержки революции, — неохотно ответил Zubov. Вдруг

он строго посмотрел на нее и строго спросил: – Как фамилия того поручика? С перевязанной рукой.

Марина хорошо знала этот взгляд и этот тон: Зубов был строгим учителем.

– Мирославлев.

– Имя? – Он словно экзамен принимал.

– Владимир, насколько я помню.

– Давно вы его знаете?

– Видела его один раз, в тот вечер...

– Один раз? Очень хорошо! Как же вы дали такое поручение незнакомому человеку?

Княжна смутилась.

– Он друг моего брата.

– Друг брата? – с сарказмом переспросил Зубов. – Почему вы сами деньги не принесли?

Марина заморгала своими длинными черными ресницами.

– Да, мне надо было сразу, не теряя времени, самой поехать. Я проявила малодушие.

– Кому-нибудь еще адрес называли?

– Нет.

– Этот поручик где служит?

Девушка встрепенулась. Она уловила ход мысли Зубова. И пожалела, что назвала фамилию Мирославлева.

– Вы подозреваете его?

– Больше некого. Только он тогда ушел, и тут же – жан-

дармы!

– В таком случае, почему он деньги отдал?

– Чтобы выглядеть невиновным в моих и ваших глазах. И почему бы не отдать – на пару минут. Не сомневаюсь: ему от этих денег тоже перепало.

– Нет, он не мог донести! Это просто совпадение! – горячо заговорила она. – Он благородный человек. Обещайте, что не причините ему вреда! – Марина вскочила и подошла почти вплотную к Зубову. – Обещайте!

– Обещаю.

Он внезапно обнял ее и поцеловал в губы.

Марина еле слышно ахнула, освободилась из объятий Зубова, даже слегка его оттолкнула. Стояла перед ним с колотящимся сердцем, дрожащими губами и пунцовым лицом.

Как у всех женщин в роду Ясногорских, у нее была склонность краснеть. Марина всегда стеснялась этого. Считала, что девушка благородного происхождения при душевном потрясении должна бледнеть, а не краснеть. Еще она, как и мама, тетя, Настя, была предрасположена к обморокам. Смотря в пол, она тихо произнесла:

– Вы не должны были так поступать.

И ушла.

В душе Марины бушевала буря. Она ощущала изумление, стыд, возмущение. И радость!

Марина стала мечтать, что Зубов посватается к ней, родные согласятся, и она навсегда свяжет с ним свою жизнь. Она

была девушкой просвещенной, но в этом вопросе нарушать традиции и приличия не хотела. Была не готова выйти замуж против воли родителей, любимых и почитаемых. Но согласятся ли они? Она даже не знала, из дворянской ли он семьи.

Придя домой, она написала и отправила Зубову короткое письмо: «Михаил Алексеевич! Я объясняю – и частично прощаю – Ваше поведение лишь тем, что нравлюсь Вам. Если это так, то Вы можете попросить моей руки у моих родителей. Надеюсь, что они дадут свое согласие. Княжна Марина Ясногорская».

Все ночь ее мучили сомнения. То она раскаивалась, что написала слово «Надеюсь». Ведь этим она откровенно и беззастенчиво говорила, что хочет выйти за Зубова замуж. То ей казалось, что надо было написать еще яснее. Поощрить. А в следующую минуту Марина уже жалела, что вообще написала это письмо. Она уснула лишь под утро.

Прошел день, другой, третий. Зубов не появлялся и никакой весточки не присылал. Марина находилась в состоянии гнетущего ожидания. Искала разные объяснения. Например, что Зубов сейчас очень занят. Или что он стыдится своего поступка. Или что он не может сразу решиться на такой важный шаг как женитьба, ему нужно время все обдумать.

Через четыре дня вернулся домой барон. Он говорил, что его и еще двух старших офицеров освободил комиссар Временного правительства. Но Марина верила, что без вмешательства Зубова не обошлось. Ей хотелось в это верить.

Она тут же послала Зубову короткое письмо, в котором горячо благодарила за освобождение дяди. Больше она ничего не написала.

На следующий день пришло ответное письмо. С замиранием сердца распечатала Марина конверт. Ее ждал удар. Зубов писал, что рад за барона, однако к его освобождению отношения не имеет. Дальше следовала цитата из «Евгения Онегина»:

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То, верно б, кроме вас одной
Невесты не искал иной.

Зубов знал, что «Евгений Онегин» – любимое литературное произведение Марины.

Он пояснял, что живет для дела революции и в ближайшие годы жениться не собирается.

Марина почувствовала себя глубоко несчастной. Но не оскорбленной. Ведь Зубов отказывался от нее ради великой цели. Он даже еще более вырос в ее глазах.

В отчаянии Марина написала Зубову ответ. В начале

письма она выражала недоумение, как революция, которая уже свершилась, может помешать созданию семьи. А затем просто объяснилась Зубову в любви. И обещала ждать столько, сколько ему будет нужно. Марина перечитала письмо, и в ней заговорила гордость. Так навязывать себя она не могла. Письмо она не отправила. Сожгла его.

2

Владимир и Настя писали друг другу каждый день. Письма были наполнены нежными словами, уверениями в любви, мечтами о счастливой совместной супружеской жизни. Они рассказывали о себе. С каждым письмом Насти Мирославлев все больше убеждался в глубине и богатстве ее души. А она восторгалась его обширными познаниями в живописи, литературе, музыке, его тонким художественным вкусом. Они сами удивлялись, как могла вспыхнуть такая сильная взаимная любовь, если они были знакомы лишь несколько часов. Настя даже видела в этом вмешательство высших сил.

Они решили, что он посватается к ней при первой же возможности. Настя писала, что очень хочет получить согласие родителей, но, конечно, будет его женой и без этого согласия.

Когда Мирославлев признался Олегу, что любит Настю и хочет на ней жениться, тот заверил, что лучшего мужа для своей сестры он не желает.

Настю не оставляла идея стать сестрой милосердия. Она

рвалась к нему на фронт. Владимир решительно возражал. И Настя подчинилась.

Эта переписка была единственной радостью в его жизни. Все остальное удручало. Мать сообщала об регулярных погромах в их скромном имении. Она всегда проводила там лето. Но в прошлом году впервые не поехала, побоялась. Однако больше всего угнетала обстановка в армии.

Дисциплина резко упала. Солдаты не отдавали офицерам честь, обращались к ним не по уставу. Или просто грубили. Не выполняли приказы. Чаше стали браться с неприятелем. Дезертировали. И поодиночке, и целыми подразделениями. Требовали отставки не понравившихся командиров. Устраивали самосуды над офицерами.

Как-то Мирославлев шел, задумавшись, по второму окопу. Вдруг перед ним вырос рядовой Чарочкин. Его немолодое честное глупое лицо было встревожено.

Чарочкин, один из немногих, оставался дисциплинированным, исполнительным солдатом.

– Казнь сейчас будет, господин поручик, – взволновано произнес он. – Комитетчики немца казнят, подпоручика... В переднем окопе, у второго бруствера...

Гриммельсхаузен солдаты не любили. Не нравилась им и его немецкая фамилия, и – еще больше – его строгость и требовательность.

Владимир бросился вперед. Свернул, пробежал по ходу сообщения, выскочил в передовой окоп, выхватил револь-

вер и помчался к брустверу. Солдаты в окопе оглядывались на него с недоумением.

За поворотом окопа послышалось лязганье затворов. Он добежал до поворота и увидел Гриммельсхаузена и четырех солдат. Подпоручик стоял у окопной земляной стены. Оружия у него не было. Четыре солдата навели на него винтовки. Двое из них, унтер-офицер Лбов и ефрейтор Марчук, состояли в солдатском комитете.

– Отставить! – крикнул Мирославлев.

Лбов и Марчук направили винтовки на него.

– Солдатский комитет, – медленно и веско пробасил унтер-офицер, – приговорил подпоручика как враждебного шпиона к смерти. – Его широкое мясистое лицо с крупным носом выражало решимость и самоуверенность.

Гриммельсхаузен наблюдал за происходящим с бесстрастным лицом. Словно он был здесь самым незаинтересованным человеком.

– Отставить! – повторил властным, не терпящим возражения тоном Владимир.

Не отводя от него тяжелого взгляда, Лбов приказал:

– Исполнить приговор!

Мирославлев навел револьвер на его мясистый нос, взвел курок.

– Отставить! – скомандовал он в третий раз. Глаза его горели. – Или буду стрелять!

– Уходим, Егор, – сказал Марчук. – Выстрелит ведь поруч-

чик. Он отчаянный.

– Так и быть, уговорили, – сказал с мрачной ухмылкой Лбов. – Отмена! Пошли!

Все четверо опустили винтовки. Мирославлев опустил револьвер. Марчук отстегнул кобуру с револьвером Гриммельсхаузена, бросил на землю. Солдаты ушли. Подпоручик отделился от стены, подобрал револьвер. Усмехнулся.

– А я радовался революции. – Он повернулся к Владимиру. – Я обязан вам жизнью.

– Как же они вас обезоружили, Август?

– Сзади неожиданно набросились. Как бандиты. – Гриммельсхаузен немного помолчал. – Не решились они в вас стрелять. Взвод бы им это не простил. Большинство солдат по-прежнему высокого о вас мнения. – Он говорил спокойным, размеренным тоном. Как будто никто не собирался его убивать минуту назад.

Подошел Чарочкин. Перекрестился.

– Слава тебе, господи!

В этот вечер в блиндаже Мирославлев и Гриммельсхаузен были молчаливы. Говорил в основном Ясногорский. Возмущался:

– Когда, наконец, власти наведут порядок? Мы собственных солдат опасаемся больше, чем австрийцев! Нельзя же так потакать несознательной массе, нельзя давать ей почувствовать свою безнаказанность! Это губит армию. Россию губит!

Что-то для укрепления дисциплины в армии все же делалось. Верховный главнокомандующий Брусилов – это он совершил в 1915 знаменитый прорыв австро-венгерского фронта – всячески поддерживал создание так называемых ударных частей или частей смерти. В них добровольно вступали наиболее дисциплинированные, патриотически настроенные военнослужащие. Эти части должны были служить примером.

По инициативе унтер-офицера Бочкаревой возник и женский батальон смерти. Настя загорелась желанием в него записаться. Но узнав, что поступающим бреют головы, и, главное, что командир батальона Бочкарева очень груба, она отказалась от своего намерения.

Когда в июне русские войска перешли в наступление, командование возлагало на эти части смерти большие надежды. Действительно, они сражались храбро, их не останавливали огромные потери. Но слишком мало было таких подразделений. Наступление закончилось полным провалом. Прежде всего, из-за низкой дисциплины в других частях. Солдаты просто-напросто отказывались идти в атаку!

Россию лихорадило. В июле, сразу после этого неудачного наступления, большевики и анархисты подняли восстание в Петрограде. Оно было подавлено. Страна качнулась

вправо. Сотни большевиков были арестованы. Ленин, объявленный немецким шпионом, скрылся, чудом избежав ареста. РСДРП (б) перешла на нелегальное положение. Временное правительство оттеснило Советы на второй план. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего сменил Корнилов, сторонник жестких мер. На фронте была восстановлена смертная казнь. Были случаи расстрела дезертиров. Популярность и влияние Корнилова росли. В августе он направил в столицу для установления полного порядка казачий корпус. Временное правительство увидело в этом угрозу своей власти и распорядилось остановить казаков. Корнилов не послушался. Тогда глава правительства Керенский объявил его мятежником. Корнилов был арестован вместе со своими сподвижниками. Теперь страна качнулась влево. Вновь усилились Советы. Большевиков, заключенных в тюрьму за попытку июльского переворота, Временное правительство освободило. Это решение стало для него в итоге самоубийственным. Петроградский совет возглавил Троцкий. Началась большевизация Советов, в том числе армейских. Призыв РСДРП (б) к немедленному миру без аннексий и контрибуций встречал в солдатской массе горячую поддержку.

Почва для большевистского захвата власти созревала...

Митинг был в самом разгаре. Он проходил метрах в тридцати от госпиталя. Присутствовали только нижние чины. Офицеров не пустили. На трибуне, широко расставив ноги, стоял крепкий невысокий унтер-офицер с широким безбровым лицом. Трибуной служили ящики из-под снарядов. Серые глазки унтер-офицера глядели решительно и злобно. Это был Трофим Сысолятин, новый председатель полкового солдатского комитета, петроградский рабочий, большевик. Перед ящиками, лицом к толпе, стояли три безоружных офицера – командир полка Елагин, Гриммельсхаузен и Мирославлев. Если подпоручик и Владимир сохраняли внешнее спокойствие, то Елагин, худой высокий седовласый старик с тонкими чертами лица, заметно волновался. Даже угол рта подрагивал.

Где-то вдаль строчил пулемет. Упало несколько тяжелых капель. Сысолятин посмотрел на серое сентябрьское небо, на низкие темные тучи. Провел рукой сверху вниз по плотно сжатому рту, словно размыкая его. Заговорил громко и резко:

– Итак, что мы порешили... Подпоручик... Как его?.. Гримзельхазин. Пребывал в австрийских шпионах. Подлежит расстрелу.

Митингующие одобрительно зашумели.

– Всегда был верен воинскому долгу, – твердо и хладнокровно произнес Гриммельсхаузен. Его светло-голубые глаза смотрели на толпу бесстрашно и высокомерно.

– Молчи, немчура! – крикнул кто-то из задних рядов.

– Идем дальше, – продолжил Сысолятин. – Поручик Мирославлев. Покрывал вышеозначенного шпиона... э-э... Гринзель... тьфу ты!.. Гримзельхазина. Коего заслуженной казни помешал с угрозой оружия. Подлежит расстрелу.

– Нет! – раздался неожиданно звонкий женский голос.

Из толпы быстрыми шагами вышла Щелкалова и стала рядом с офицерами. Такой взволнованной ее еще не видели.

– Три года хранил их господь от вражеских пуль, – горячо заговорила она. – Неужели только для того, чтобы они получили пулю от своих?

– Неужто бабу будем слушать? – раздался бас Лбова. Он стоял в первом ряду.

– Пусть говорит, – сказал ефрейтор с забинтованной головой. Его многие поддержали.

Все в полку рушилось, но уважение солдат к Щелкаловой сохранилось. Хотя ей все чаще приходилось слышать скабрзные шутки и намеки. После года на фронте она по-прежнему была чистой девушкой, и подобные остроты смущали и расстраивали ее. Из сестер милосердия дворянского происхождения осталась лишь она, остальные давно уехали.

– Они ведь такие же русские воины, как и вы! – продолжала Щелкалова.

– Особливо подпоручик, – пробасил Лбов.

– Может быть, и допускали они ошибки, но не убивать же их за это! А поручик Мирославлев и вовсе ни в чем не вино-

ват. Он защитил своего подчиненного. Так обязан поступать каждый командир. Оказался бы рядовой на месте подпоручика, Мирославлев бы и его точно так же защитил. Он своих подчиненных никогда в беде не оставлял!

– Истинная правда! – крикнул солдат из взвода Владимира.

– Вспомните: зимой при неудачной атаке три раненых остались на позиции неприятеля, – продолжала сестра, все более воодушевляясь. – Мирославлев их не бросил, снова повел взвод в атаку. Отбил раненых. Его тогда самого в руку ранило.

– Было такое! Он в первом ряду шел! – зазвучали возгласы. – Освободить его! Командир подходящий! Освободить!

Сысолятин скривил тонкие длинные губы, бросил на Мирославлева ненавидящий взгляд и произнес, почему-то с угрозой:

– Поручик Мирославлев свободен!

Щелкалова взяла Владимира за руку и повела сквозь толпу. Она словно боялась, что Сысолятин передумает. Мирославлев подумал со страхом, что это выглядит комично. Но никто не смеялся. Они отошли к госпиталю. Он поблагодарил ее за вмешательство. Стали отсюда наблюдать за происходящим. К ним присоединился Ясногорский. С начала митинга он стоял в отдалении.

– Как тут Пушкина не вспомнить: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», – мрач-

но произнес он.

– Так... Теперь полковник Елагин, – говорил председатель солдатского комитета.

– Мешал отправка на побывку...

– Это не побывки, а дезертирство, – прервал его, не обращившись, командир полка.

– Какое дезертирство, если срок возвращения обговорен? – возразил Сысолятин.

– Никто никогда не возвращался.

– А если и так? – повысил голос председатель, с ненавистью глядя на затылок полковника. – Почему солдаты домой уходят? На земле им сейчас надо работать. Народу в войне нужды нет. Это буржуйская затея! Вот сами и воюйте! – Гул одобрения пронесся по рядам. – Еще... В июне месяце полковник принуждал идти в наступление. Ругал солдат трусами. А зачем им под пули подставляться? Ради какой пользы?..

Из рядов слышалось:

– В пятнадцатом году он мне вовсе в рожу стукнул.

– И мне. Зачем, мол, самовольно с позиции бежал?

Слышались возмущенные возгласы, ропот.

– А в четырнадцатом он Петрова и Тряпишко, из второй роты, арестовал, – суровым тоном произнес Сысолятин. – Дескать, выявил, что они революцию пятого года делали. Суду передал...

– Что касается рукоприкладства, признаю: был неправ.

Погорячился, – торопливо проговорил Елагин, – В остальном я поступал правильно.

– Стрелять его! Порешить! – закричали солдаты, потрясая винтовками.

Начинался дождь.

– В мордобое он покался, – заметил кто-то с сомнением в голосе.

– Жизни не лишать, а лишить звания! – выкрикнул ефрейтор с забинтованной головой.

Это предложение понравилось. Видимо, расстрел был слишком прост и неинтересен. Разжаловать было забавнее.

– Звания лишить! Разжаловать его! Рядовым определить! – раздались голоса. – Пусть другого командира пришлют, понимающего!

– Так тому и быть, – согласился Сысолятин. – Разжаловать в рядовые! – Он спустился с трибуны, подошел сзади к Елагину и сорвал с него погоны. Лицо командира полка стало пунцовым. Сысолятин скомандовал: – Свободен, рядовой Елагин! – Солдаты засмеялись. Председатель комитета толкнул полковника в спину. – Ступай, ваше благородие!

Тот, наклонив голову, пошел в сторону штаба. Солдаты, не особенно торопясь, расступались перед ним. Со всех сторон слышались едкие замечания.

Сысолятин подозвал двух солдат. Движением головы показал на Гриммельсхаузена.

– Расстрелять шпиона!

Он вытянул руку в сторону насыпи. Она находилась неподалеку. Неизвестно было, когда, зачем и кто ее насыпал. Скифы, может быть. Солдаты, с винтовками наперевес, отвели подпоручика за насыпь. Прозвучали два выстрела.

Люди стали расходиться.

Вдруг со стороны штаба донесся еще один выстрел, пистолетный.

Это полковник покончил с собой.

Глава 3

1

В первые дни после Октябрьской революции в жизни князей Ясногорских ничего не изменилось. Лишь Варьку чаще стали видеть пьяной, да Степка начал пререкаться с княжнами.

Но вскоре пришла беда.

Как-то утром княгиня Мария Евгеньевна спустилась на первый этаж отдать распоряжения поварихе. Вдруг она услышала мужской смех и женское хихиканье. Из комнаты Варьки, подкручивая щегольские рыжие усы, вышел матрос и пошел по коридору. Он был увешан оружием. Черный бушлат опоясывали крест-накрест пулеметные ленты. Сама Варька, босая, в одной ночной рубашке, стояла в дверях и махала ему вслед рукой. Увидев Ясногорскую, она поспешно отступила назад и захлопнула дверь. Матрос поравнялся с княгиней. От него несло перегаром. Он дотронулся до бескозырки и произнес с ухмылкой:

– Мое почтение.

Швейцар, благообразный седой старик в богатой ливрее, угодливо распахнул перед ним входную дверь.

– Покедова, – сказал ему матрос и ушел.

Княгиня устремила на швейцара грозный взгляд.

– Тимофей, как в доме оказался посторонний?

– Моя вина, ваше сиятельство, – торопливо заговорил старик. – В час ночи Варька стучит, просит впустить. Я открываю, а Варька с матросом этим. Обои выпимши. С ним хочет войти. Он, дескать, утром уйдет, никто не узнает. Я, конечно, матроса не пускаю. Не положено, говорю. А он: теперь-де балтийские матросы решают, что положено, а что не положено. Оттолкнул меня и вошел. Я хотел звать на помощь. А он пистолет в сердце мне тычет. Молчи, мол, буржуйский прихвостень. Иначе, дескать, застрелит как врага революции. Я и пропустил. Что мне еще оставалось делать, ваше сиятельство?

Он покаянно развел руками.

Мария Евгеньевна решительными шагами направилась к двери Варьки. Приказала:

– Варвара, выходи! – Показалась смущенная Варька, уже одетая. – Ты же прекрасно знаешь, – продолжала Ясногорская властным и резким тоном, – что приводить кого-то в дом без разрешения строго запрещено. А ночью – тем более! Почему же ты ослушалась?

Девушка глядела в пол и молчала.

– Отвечай! – гневно воскликнула княгиня.

Варька вдруг вскинула на нее злые глаза.

– Ваша власть вся вышла! Простые люди теперь хозяева.

Княгиня опешила, изумленно подняла брови. Но только на миг.

– Вон! – Она указала на входную дверь. – Не смей больше появляться в этом доме!

Ясногорская отправилась на кухню. Глядя вслед удаляющейся величественной фигуре, Варька пробурчала:

– Ну, это мы еще посмотрим.

Княгиня не расслышала.

На кухне она велела поварихе приготовить ростбиф и испечь блинов. И добавила:

– А дочь твою я прогнала.

Матрена открыла рот.

– Господи боже мой! За что, ваше сиятельство?

– За неподобающее поведение.

– Ваше сиятельство, она исправится! Я из нее дурь выбью! Христом богом молю, отмените ваше решение! Помилосердствуйте!

– Нет! – Княгиня все еще гневалась.

По щекам поварихи потекли скупые слезы. Странно было их видеть на этом грубом лице.

– Куда ж она пойдет, ваше сиятельство? – причитала Матрена. – Некуда ей идти. А сейчас такое в городе творится! Пропадет же она на улице. По рукам пойдет. Ваше сиятельство!

– Довольно об этом. Своих решений я не меняю. – С этими словами Мария Евгеньевна вышла из кухни.

Варька собрала вещи и ушла.

– Вчера фон Ауэ уехали в свое псковское имение, – ска-

зала за ужином княгиня.

– Особняк у них отобрали. Теперь там какое-то большевистское учреждение.

Старый князь помрачнел.

– Отобрали? Следовательно, грабеж теперь узаконен?

– Они называют это экспроприацией экспроприаторов, – с усмешкой сказала княгиня.

Старый князь посмотрел на Марину.

– Разве к этому стремились русские революционеры?

– Большевики авантюристы, а не революционеры, – ответила та, не замечая, что слово в слово повторяет Зубова.

Внезапно раздался громopodobный стук в парадную дверь. Появился перепуганный швейцар.

– Пьяные матросы ломаются. Требуют открыть. Грозят дверь разнести.

Старый князь встал и вышел из столовой. Княгиня, княжны и швейцар последовали за ним. Стук не прекращался. Они подошли к парадной двери. Фекла с дочкой и повариха с сыном тоже были здесь.

– Открыть революционным матросам! – доносилось с улицы. – Все равно ведь войдем! Балтийцев никто не остановит. Войдем и именем советской власти расстреляем за неповиновение!

Матросы два раза выстрелили в дверь. Доброхоткины вскрикнули.

– Открой, Тимофей, – сказал князь.

– Открываю, не стреляйте! – крикнул дребезжащим голосом швейцар и открыл дверь.

В дом ворвались десятка два разгоряченных и пьяных матросов в главе с рыжеусым. Рядом с ним была Варька. Матросы были в черных бушлатах и черных брюках клеш.

– Почему так долго не отворяли? – грозно спросил рыжий. – Расстрела захотели? – Видимо, он был у них за командира.

– Вся семейка здесь, – сказала Варька.

Какой-то матрос присвистнул.

– Вот так красоты!

– Отродясь таких не видал! – добавил другой, с огромным красным бантом на груди, и плотоядно заулыбался.

Рыжий поднял руку, как бы призывая к тишине и вниманию, и сурово произнес:

– Объявляю волю революционной власти. Особняк изымается на пользу народу. По-научному сказать, экспортыация экспорт... Грабь награбленное, то есть! Комнаты, где слуги живут – бывшие слуги, то есть, – теперь их полная собственность. А вы, господа, прямо сейчас, в чем есть, прямо с этого места – на улицу!

Фекла ахнула.

– Слыхала, барыня? – сказала злорадно Варька. – Выметайся! Живо!

Княгиня покраснела.

– Девки-то пусть остаются, – возразил матрос с бантом. –

Уж для них-то места не пожалеем. — Он захохотал.

Старый князь шагнул вперед, хотел что-то сказать, но замолк на полуслове. Его правая щека дергалась.

— Мы должны взять документы и деньги, — надменно говорила Мария Евгеньевна, глядя куда-то поверх головы рыжего.

— А вот уж нет! — еще более суровым тоном ответил рыжий. — Все ваши деньги и драгоценности теперь народные.

— Документы-то пусть возьмут, — вступила неожиданно в разговор Фекла. — Куда ж они без документов. В такое наше время. Вам-то от них какой прок, от бумаг? И пускай заберут теплую одежду. Как же сейчас без пальтов?

Рыжий нахмурился.

— Знаю я, какая у них теплая одежда. Шубы на меху. Нет уж. Теперь в шубах простой народ будет ходить.

— Негодяи! — вдруг выкрикнул князь. — Вон!

Он двинулся было в сторону рыжего, однако закачался, затрясся и рухнул на пол.

Ясногорские и Марфа бросились к старому князю. Он был без сознания.

— Документы, ладно, могут взять, — произнес рыжий, глядя на распростертого у его ног старика. — То есть, под присмотром.

Фекла с непривычным для нее решительным видом подошла к рыжему матросу.

— Значит, моя комната теперь совсем моя?

– Ну.

– Значит, я могу пустить в нее кого захочу? Так?

– Ну, положим, – нетерпеливо ответил рыжеусый. – Ты к чему клонишь, мамаша?

– Тогда хозяева пускай у меня останутся, – твердо произнесла Фекла.

– Дело говорит, – заметил матрос с бантом.

– Какие же они теперь тебе хозяева, мамаша? – с неудовольствием проговорил рыжий. – Ладно, то есть, это твое право.

Среди матросов раздалось несколько одобрительных возгласов.

– Нечего им тут делать, – сказала рыжему Варька. – Пусть уходят. Небось...

– Здесь я командую, – оборвал ее рыжий. Она притихла.

Матросы отнесли старого князя в комнату Феклы. Ясногорские вошли следом за ними. Матросы немного полюбовались, ухмыляясь, на Марину и Настю, и вышли. Княгиня посмотрела на Феклу теплым взглядом.

– Очень тебе признательна!

В сопровождении рыжего она поднялась на второй этаж и забрала все документы. Он бдительно следил, чтобы княгиня не прихватила ничего лишнего. Взяла она также нашатырный спирт – привести князя в чувство.

Нашатырь помог: старый Ясногорский пришел в себя. Но передвигался и говорил он с трудом. Очевидно, случился

микроинсульт.

Фекла переселилась в соседнюю комнату, к дочке, а свою предоставила Ясногорским. Комната была маленькой. Кровать, стол, два стула и шкафчик составляли всю мебель.

Имение Ясногорских было разграблено, но не сожжено. Они решили перебраться туда. Однако надо было дожидаться выздоровления князя.

Ясногорским строго-настрого запретили подниматься на второй этаж. Фекле с Марфушей – тоже. Очевидно, как их пособникам.

Тщательно обыскав комнаты второго этажа, забрав себе все деньги и драгоценности, матросы стали пьянствовать в столовой. Ясногорские и Доброхоткины заперлись. По всему особняку разносился хохот, нестройное пение. Чаще всего пели «Яблочко».

На ночь княгиня и княжны улеглись на полу. На кровати лежал князь.

В полночь в дверь громко постучали.

– Барышни, приглашаем к застолью! Украсьте наше общество! – слышались пьяные возбужденные голоса.

Не получив отклика, матросы застучали сильнее. Голоса их становились громче. И злее.

– Красными балтийскими матросами гнушаетесь? Отпирай, буржуи!

В дверь колотили уже изо всей силы. Хорошо, что она была толстой, крепкой. Все в особняке было сделано на совесть,

на века.

Мария Евгеньевна сидела на полу, прижимая к себе девочку, Марина и Настя – на стульях. Напряженно смотрели на дверь. Старый князь лежал на койке, устремив мрачный взгляд в потолок. Все молчали.

В дверь стали бить ногами.

Закончилось все внезапно.

Хлопнула парадная дверь, и послышался женский смех и визг. В особняк привели проститутку.

Матросы оставили Ясногорских в покое.

2

Мирославлев взволнованно шагал взад и вперед по блиндажу.

– Из-за острова на стрежень... – пьяными голосами, недружно, пели где-то недалеко солдаты.

Вошел Олег Ясногорский. Вид у него был довольный. Владимир остановился.

– Таня согласилась, – сказал Олег. – Кое-как уговорил. Не хотела оставлять больных. Говорит, брюшной тиф, дизентерия, а медицинского персонала не хватает. – Он улыбнулся.

– Согласилась, только когда я сказал, что и ты с нами пойдешь. Итак, уходим втроем. Прямо сейчас. Нельзя терять ни минуты. Полк смерти могут перебросить в другое место

в любой момент. Это большая удача, что он недалеко расположился. Больше такого случая наверняка не представится.

– Я не пойду, – сказал Мирославлев.

Ясногорский посмотрел на него с удивлением.

– Как не пойдешь?

– Я поеду в Петроград. Только что был в штабе. Говорят, в столице безобразия творятся. Пьяные матросы и солдаты врываются в богатые дома, грабят, убивают... Я должен быть рядом с Настей.

– И что ты сделаешь один? Сражаясь с большевиками в частях смерти, ты Настю лучше защитишь. Теперь бороться с большевиками – да и с немцами тоже – можно только в составе ударных частей.

– Должен признаться: после того, как меня едва не расстреляли, не раз приходила мысль все бросить и добраться до Петрограда. Вспомни, сколько офицеров дезертировало, боясь солдатских самосудов. И многие, несомненно, спасли этим свою жизнь. Но я всегда отвергал такую мысль. Не мог я оставить полк в военное время. Долг не позволял. Настя первая бы меня осудила. Но теперь-то армии нет, фронта нет.

В подтверждение своих слов он направил руку в сторону, откуда несло пьяное пение.

– Пока существуют ударные части, есть и армия, есть и фронт. И долг каждого русского офицера – вступить в одну из них, – отчеканил Ясногорский.

– Сейчас я должен быть с Настей, – упрямо повторил Вла-

димир.

– Поступай, как считаешь нужным, – холодно произнес Олег и стал собираться в путь.

Это была их первая размолвка.

3

Утром в особняке было тихо. Матросы отсыпались на втором этаже.

Слуги обычно ели в небольшой комнате по соседству с кухней. Фекла привела туда на завтрак и Ясногорских. Лишь старый князь остался лежать. Ночью ему стало хуже.

Увидев их, повариха сдвинула брови.

– Зачем ты их позвала? – обратилась она к Фекле. – Им никакой еды не полагается.

– Она повернулась к Марии Евгеньевне и княжнам. – Пошли отседова! Привыкли жрать задарма!

Ясногорские, все до одной, покраснели. Они ушли.

– Матрена, больному-то, князю старому, дай что-нибудь поесть! Ему сейчас надо сил набираться. Побойся бога!

– Ничего они не получают. Варя так распорядилась. Она теперь тут главная по хозяйству. Да я и сама не дам. Пушай с голода дышат!.. Ну, садитесь уже есть!

Доброхоткины молча сели за стол.

Вдруг возвратилась Полина. Глядя на повариху сверкающими глазами, она выпалила:

– Вы недостойная женщина! Жалко, что мама вас не уволила.

И вышла.

У Матрены даже рот открылся.

– Ишь ты! Малявка сопливая, а туда же, гонор свой княжеский показывает! Ничего, народная власть ее от гонора отучит... Недостойная женщина! Ишь ты!

В столовую спустились рыжеусый с Варькой. Она щеголяла в одном из самых дорогих платьев Марины. Ее украшали фамильные драгоценности Ясногорских. Рыжий матрос то и дело вынимал из кармана старинные золотые часы, сделанные известным немецким мастером для деда старого князя. Смотрел несколько секунд с важным видом на циферблат и снова засовывал часы в карман.

Вернувшись к себе, Фекла и Марфа дали Ясногорским денег.

– На неделю должно хватить, – прикинула Фекла. – Если шибко не тратить.

Княгиня горячо поблагодарила. И добавила:

– Вы с Марфушей помогаете мне сохранить веру в русский народ.

– Долг платежом красен, – ответила Доброхоткина. – Ваша семья всегда к нам с добром относилась. Мы это помним, такое грех забывать.

Настя пошла в магазин.

Полине трижды в это утро загораживал дорогу Степка.

И начинал зло дразнить ее. Девочка ни разу не снизошла до перепалки с ним, молча, с горделивым видом, его обходила. Но придя в комнату, не могла сдержать слез от обиды. Полина старалась не попадаться Степке на глаза. Она его возненавидела.

В банке у Ясногорских были счета на огромную сумму. Официально личные банковские счета не были аннулированы, но представлялось немыслимым, чтобы новая власть позволила эти деньги беспрепятственно получить. Однако попытку надо было сделать. В банк, где Ясногорские хранили деньги, пошла Марина. По пути она наткнулась на солдат с красными повязками на рукавах, громивших винный магазин. Марина поспешила перейти на другую сторону улицы. После этой ночи в ней поселился страх.

Банк оказался закрытым. Бастовали служащие, как ей объяснили. Возвращаться она решила другой дорогой. И тут Марина подумала о Зубове.

Зубов был эсер, а часть эсеров, насколько Марина знала, поддержала большевиков. Возможно, он может помочь. Она поехала к нему.

Марина пыталась представить их встречу. Если Зубов не последний человек в новой власти, то он, конечно, что-то сделает. Пресечет это матросское самоуправство. А если он враг этой власти, если сам подвергается гонениям? Она размышлялась. Вдруг Зубов скажет, что революция для него закончилась, что большевики ее задушили, что теперь он мо-

жет подумать и о создании семьи. И сделает ей предложение! Как она этого хотела!

С сильно бьющимся сердцем княжна подошла к знакомой двери. Только она была уже не обшарпана, а недавно покрашена. И услышала взволнованный голос Зубова.

– Большевистский переворот – это циничная авантюра. Меньшинство узурпировало власть.

– Однако переворот прошел почти бескровно, – раздался в ответ картавый женский голос, самоуверенный и слегка ироничный. – О чем это говорит?

Послышались шаги. Очевидно, Зубов по своему обыкновению шагал взад и вперед по комнате.

– Да, в Петрограде многие рабочие и солдаты за большевиков. Но во всей стране – крестьянской стране, надо это помнить – их сторонников явное меньшинство. Поэтому этот переворот преступен! И поддержав его, вы, левые эсеры, стали соучастниками преступления!

Прозвучал женский смех, короткий и сдержанный.

– Не слишком ли суровые обвинения из уст эсера, пусть и правого? Когда же ты, наконец, изживешь в себе этот юношеский максимализм, Миша? Давно сказано: «Политика – это искусство компромисса». Программа большевиков во многом совпадает с эсеровской. Они тоже, например, за Учредительное собрание.

Марина вдруг спохватилась. Получалось, что она подслушивала. Она постучала. Дверь открыл Зубов. По лицу его

промелькнуло неудовольствие. Как тогда, у Таврического дворца. Он впустил ее. С дивана поднялась молодая женщина в очках. Лицо у нее было восточного типа, довольно привлекательное. Комната выглядела ухоженнее и уютнее, чем раньше. И диван появился.

– Моя бывшая ученица Ясногорская. Моя жена Эсфирь, – представил их Зубов.

У Марины потемнело в глазах. Она чувствовала, что близка к обмороку.

– По какому делу вы теперь пришли? – тут же добавил Зубов, сделав ударение на слове «теперь». Словно хотел дать понять супруге, что визиты этой девушки исключительно деловые.

– Это... Это пустяки... – не сразу находя слова, ответила Марина. – Прошу прощения, что побеспокоила вас... Прощайте!

И неуверенными шагами направилась к двери. Никто ее не удерживал.

Марина медленно спустилась по лестнице, медленно пошла по улице. Миновала полквартала и только сейчас вспомнила, зачем приходила к Зубову. Она шла к нему ради сестер, матери, деда. Ради себя она бы не пошла. И что она сделала для них? Ничего. Даже не попыталась. Вероятно, Эсфирь могла как-то помочь. Если она левая эсерка. Марина остановилась. Но уже через мгновение продолжила путь. Не могла она о чем-то их просить, особенно Эсфирь! Это

было выше ее сил.

«Вероятно, все обо мне беспокоятся», – подумала она, подходя к особняку. Она отсутствовала часа два. Ее выпустил увешанный оружием матрос. Он охранял теперь входную дверь вместо швейцара. Тимофей отсиживался в своей комнате. Он был сбит с толку происходящим и не хотел ни с кем не общаться.

Матрос с усмешкой проговорил:

– Теперь-то уж не схоронитесь, взаперти не отсидитесь.

«Что он хотел сказать?» – думала княжна, идя по коридору. И столкнулась с Феклой.

– Час от часу не легче, – сказала та и вздохнула. – Матросы у Марии Евгеньевны ключи от комнаты отобрали. Дескать, ради большевистской бдительности. Буржуи-де должны быть всегда на виду. Ох ты, господи!

Решено было, что Марина и Настя поедут в имение одни, сейчас же.

– Это опасно, но оставаться вам здесь еще опаснее, – говорила княгиня.

Сборов в дорогу не было, нечего было собирать. У Феклы и Марфуши нашлась для княжон теплая одежда, правда, старая и потрепанная.

– Это даже к лучшему, – сказала княгиня. – В такой одежде вы меньше внимания к себе привлечете.

В коридоре послышался голос Варьки. Мария Евгеньевна вышла из комнаты, подошла к девушке своей величествен-

ной поступью и, глядя на свое любимое изумрудное ожерелье на Варькиной шее, высокомерно сказала:

– Я должна подняться на второй этаж и взять для нас смену нижнего белья.

Варька злобно фыркнула.

– Обойдешься!

Кровь прилила к лицу княгини. Она повернулась и медленно пошла назад.

– В обносках у меня будешь с дочками своими ходить! – крикнула Варька ей вслед.

4

Имение находилось недалеко от Малой Вишеры, станции на железной дороге Петроград – Москва. Княжнам повезло: пассажиры в их вагоне вели себя прилично. Правда, иногда по коридору шумно проходили пьяные дезертиры из других вагонов. Тогда Марина и Настя отворачивались к окну, чтобы не заметили их красоту.

От станции до имения они поехали на крестьянской телеге. Лошадью правил неприветливый старик. Проехали молча минут десять, и он вдруг угрюмо произнес, не оборачиваясь:

– А я вас признал. Господские дочки.

– Да, – коротко ответила Марина.

– В барском доме небось жить собираетесь?

– Да.

– Это вы зря надумали. Не пригоден теперь ваш дом для житья. Обчистили его и порушили. Книги даже унесли. Для самокруток. А еще намеренны анархистов вблизи видали. Это они себя так величают. А на деле – как есть бандюги. Лучше назад вертайтесь.

Сестры посмотрели друг на друга.

Марина сразу вспомнила высказывание Зубова: «Эти с позволения сказать революционеры похуже большевиков. Комичны потуги лидеров анархизма подвести под свое „учение“ научную основу, провозгласить высокие идеи. Цель-то у анархистов одна, и цель эта страшная – вседозволенность».

Они посовещались и решили продолжить путь. Не было у них другого выхода.

Не доезжая до села Ясногорского, они сошли и пошли к особняку пешком. Он отстоял от села километра на два. Дул холодный влажный ветер.

Картину княжны увидели печальную. Особняк после крестьянского погрома. Статуи на мраморном крыльце были сброшены с пьедесталов и разбиты. Вместо парадной двери зиял проем. Никто их не встретил. Слуги, видимо, давно разбежались. Мужики унесли все, имевшее для них ценность: мебель, посуду, съестные припасы, вина. Остальное постарались уничтожить. Был порублен рояль. Порезаны картины, в том числе две кисти Верещагина, очень дорогие.

– Почему крестьяне так враждебно относятся ко всему прекрасному? – грустно произнесла Настя.

– Очевидно, прекрасное ассоциируется у них с враждебным классом, – ответила сестра.

Они поднялись на второй этаж. Зашли в библиотеку. Осталась только половина книг. Они валялись на полу, затоптанные, с оторванными обложками, с порванными листами. Княжны печально глядели на книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.